

ИГОРЬ КАМЕНСКИЙ

НЕВЕСТА
ИЗ ДРУГОГО
ВЕКА

18+

Игорь Каменский

Невеста из другого века

<https://litres.ru/74682779>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вчера Артем отмечал закрытую сессию. Сегодня — проснулся барышней на выданье в России XIX века. Скверно? Не то слово. А узнать, что тебя уже пообещали в жены какому-то графу? Катастрофа!

Но у «невесты» есть козырь: Артем — будущий психолог. Он чувствует, что деспотичный дядя что-то скрывает, а нежеланный жених и сам не спешит предлагать руку и сердце.

Артем не собирается следовать чужим правилам и начинает собственную игру — за право распоряжаться своей судьбой. Теперь у него две цели: сорвать помолвку и найти способ вернуться в свой век.

Вот только... как это сделать и не разрушить жизнь той, чье имя он теперь носит? Ведь когда Артем уйдет, Анне придется отвечать за всё, что он успеет натворить.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	25
Глава 3	46
Глава 4	68
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Игорь Каменский

Невеста из другого века

Пролог

Я отлично умел читать людей. Обычно мне хватало пары минут, чтобы понять, врет мне человек или нет. Но в эту ночь в баре мне это вышло боком.

Музыка била по ушам, и сердце сбивалось, пытаюсь поймать ее ритм. Посвящение в самом разгаре, по экрану бежали строчки караоке. Наш староста орал в микрофон, девчонки рядом с ним визжали от восторга. Бармен едва успевал разливать пиво. Я стоял чуть в стороне, с почти пустым стаканом.

Тут собрался не только наш курс, и я поглядывал в сторону чужаков. Слева от меня высокий парень слишком близко наклонился к девушке. Она отстранилась, укуталась в ткань, но взгляд не отводила. Да и всем корпусом все равно развернулась к нему. У тебя все получится, братан. Справа двое спорили о футболе: один сжал кулаки, челюсть напряжена, но губы улыбаются. Фальшивая улыбка. Может ударить в любой момент? Или боится? Я проследил за его взглядом — глаза бегали, искали поддержки у друзей. Не, побоится.

Я выдохнул и хлебнул пива. На горизонте чисто, никто не

собирался сорвать нам посвят. Захотелось подышать. Удерживая стакан, я начал маневрировать между танцующих тел и выбрался на улицу. Из рта повалили облачка пара, но возвращаться за курткой я поленился.

— Эй!

Я обернулся. Меня окликнула девушка в красном пуховике. Она смотрела на меня с широкой улыбкой, будто мы сто лет знакомы.

— Выглядишь надежным, — сказала она и схватила меня за руку.

— Прости, что?

— Лицо у тебя такое, будто в беде не бросишь! — Она засмеялась. — Вы тут экономисты собрались, да?

— Психологи, — буркнул я.

Она посмотрела мне прямо в глаза, будто что-то там искала. Я почувствовал, как она напряжена, уж слишком сильно вцепилась в мой рукав. Я потянул руку на себя, чтобы отойти и рассмотреть ее получше, но она вдруг прижалась ко мне. Да так, что я больше не видел ее лица. Как специально!

— Не уходи, — сказала она шепотом. — Пожалуйста...

Да что ей вообще надо?

— Ты пьяная?

— Да.

— Карина!

С другой стороны к нам пробирался парень в черной куртке. Высокий, широкоплечий. Лицо настолько красное от зло-

сти, что никакую мимику даже читать не нужно. Сейчас будет мясо.

— Пожалуйста, — зашептала Карина мне на ухо, — не дай сделать глупость...

Твою мать, а... Парень вперился в меня глазами, явно решил, что я его соперник. Так, нужно деэскалировать. Успокоить.

— Слушай, — начал я, поднимая руку с пивом, — мы просто болтаем. Все окей.

— Свали, — процедил он. Его взгляд блуждал между мной и Кариной.

— Она сама подошла, — сказал я спокойно. — Я не...

— Свали, сказал!

Я почувствовал, как Карина дернулась. Моя рука освободилась. Я обернулся — Карина отступила на шаг, потом еще один. У нее задрожали губы, забегали глаза, побледнело лицо. Страх. Но зачем тогда она вообще подошла? Улыбалась так, будто клеиться собралась, а теперь просила помощи. То ближе, то дальше. Как мне понять, что она сделает дальше?

Но все же... Она напугана, и это я видел. Такое выражение никак не подделаешь. А, к черту. Не мог я просто так уйти. Не тогда, когда мне доверились.

— Карина, встань за мной, — сказал я. — И поддержи.

Она взяла мой стакан, широко распахнув глаза.

— Давай. Я сейчас все улажу.

Я не успел среагировать. Его кулак врезался мне в че-

люсть. Мир качнулся, я зашагал в сторону, чтобы не упасть. Завизжали тормоза, и меня ударила машина. Меня швырнуло об землю, вышибло дух. Затылок ударился об дорогу, и вокруг запрыгали звездочки. Кажется, меня подхватили на руки и куда-то повели. Я увидел железный потолок микроавтобуса. Что-то пищало. Я пытался спросить, что с той девушкой. Почему-то меня не слышали.

Глава 1

Одеяло обнимало меня изо всех сил, и никак не желало выпускать из кровати. Честно сказать, я и сам не особо хотел куда-то идти. Не после вчерашнего. Ох, точно, меня же скорая увезла. Я потер глаза и потянулся. Заскользила по коже ткань. Больничный халат? Осторожно поболтал ногами, поворочался на матрасе. Удивительно, но ничего не болело, и никакого гипса. Голова ясная, не тошнило. Неужели все обошлось?

Я приподнялся, моргая от солнечного луча, пробившегося сквозь щель в шторах. Все плыло перед глазами, надо бы найти очки. Зевнув, я скинул одеяло и свесил ноги с кровати, пытаюсь нашарить тапки. Палец кольнуло холодом, когда я коснулся паркета. Тут что, открыто окно? Так и простудиться недолго. Не обнаружив тапков, я прыгнул на пол и, шипя и ругаясь от холода, двинулся к тумбочке.

Очков не обнаружилось. Телефона тоже. Зато лежало зеркальце и какая-то шкатулка. Я снова потер глаза, и вроде бы зрение начало приходить в норму. Больничная палата выглядела странно, зачем-то тут поставили винтажную мебель. Да и халат какой-то странный. Я поднял зеркало, его обратная сторона оказалась украшена разноцветными камнями с множеством граней. Множество солнечных зайчиков тут же весело запрыгали по стенам, поймав лучик солнца. Я почесал

голову, и моя рука остановилась. Я медленно направил ее вперед, к своим глазам.

Сквозь пальцы струились длинные рыжие волосы. Густые, волнистые, мягкие, как шелк.

— Чего? — произнес кто-то тонким девчачьим голосом.

Нет. Не кто-то. Я.

— Че. Го.

Да. Точно я. Голос одновременно не мой, но и не чужой. Зеркальце задрожало в руке. Так, спокойно. Это мне просто снится. Я вдохнул полной грудью, и полоска ткани уперлась в... *грудь*. Я посмотрел вниз и увидел ночнушку, под которой образовались два маленьких бугорка. Я выдохнул, и они исчезли под тканью.

— Так, — продолжал говорить мой и не мой голос. — Так, это все просто сон. Я сейчас просто себя ущипну и все.

Сутулясь, чтобы ткань случайно не натянулась, я щипнул себя другой рукой. Все осталось тем же, только покраснела кожа на тонкой руке. Мягкая, необычайно гладкая кожа. Я посмотрел на ноги — тоже тощие и бледные. Я весь затрясся. Держался за зеркальце, будто оно отделяло меня от этого дурдома. Так, спокойно. Меня зовут Артем, и это все просто сон. Сейчас я посмотрю в зеркальце и увижу там себя...

На меня смотрела молодая девушка, лет восемнадцати, с рыжими волосами, рассыпавшимися по плечам. Смотрела зелеными глазами с широкими от испуга зрачками. Я поднял руку и коснулся щеки. Отражение сделало то же самое.

Я чуть не закричал, но успел захлопнуть рот ладошкой. Вырвался только жалобный писк. Я шагнул назад и запнулся об кровать. Пытаясь не упасть, я схватился за столик и с грохотом повалился вместе с ним. Рассыпались украшения из шкатулки, бодро отбивая чечетку по полу.

«Так, без паники! Сейчас мы все уберем...»

— Анна Петровна!

Я обернулся, разметав длинные волосы. В дверях стояла девушка, с ужасом глядя на меня.

— Анна Петровна! — повторила она. — Вы не ушиблись?

— Нормально, — прохрипел я и машинально потянулся к прокатившейся мимо сережке.

— Ах, оставьте! — девушка обошла кровать и подхватила меня под руку.

— Да я и сам...

— Сидите, пожалуйста. Сейчас я все уберу.

Я сел на кровать и, кажется, перестал дышать. Девушка в простом синем платье и косынке на голове, укрывшей темные волосы, принялась собирать рассыпавшиеся украшения. Ну, по крайней мере, она сказала мое имя. Она... горничная? Сестра?

— Анна Петровна...

Девушка повернулась ко мне, стоя на коленях. Ее губы дрожали, а в глазах стояли слезы. В руках она держала полованную сережку с жемчугом.

— Уже утро, а барышня не одета! — раздался третий го-

лос, сухой и требовательный. — Татьяна, почему ты...

В дверях появилась холодная и строгая женщина в темно-синем платье. Седые волосы она также убрала под чепец. Ее холодные синие глаза вперились в Таню, и та побледнела от страха.

— Это что еще такое? Сломали жемчужные серьги?

Женщина вдруг начала обмахиваться рукой и прислонилась к дверному косяку. Ее грудь вздымалась с каждым вдохом, которые становились все тяжелее и прерывистее. Таня же начала рыдать.

— Акулина Ивановна, — сквозь слезы пробормотала она. — Не углядела, не уследила...

— Как же теперь? А платье? — причитала Акулина. — Муслин, айвори и пепельно-розовый... Все пропало...

И вот я, в чужом теле, сижу посреди этого цирка, в котором взрослая женщина сорока лет давила из себя истерику, а моя, видимо, служанка, готовилась умереть от ужаса. И ведь это я здесь сижу в чужом теле, а не вы, между прочим.

Я медленно потянулся к сережке, и Таня вздрогнула, отшатнувшись. Мы застыли в неловких позах, но я все же протянул к ней свои руки и обхватил ее ладонь. Потряс немного и постарался как можно доверительнее сказать:

— Починим.

— Анна Петровна...

— Некогда починять, — вырвался из груди Акулины Ивановны низкий голос. — Если мы перенесем помолвку, это

же будет скандал!

У меня задергался глаз.

— Какую помолвку? — пропищал я.

Акулина Ивановна вдруг посмотрела на меня так строго, что я даже выпрямил спину. Как покладистый ученик.

— Барышня, — медленно проговорила она, внимательно смотря на меня и скользнув взглядом по упавшему столику.

— Вы не ушиблись головой?

— Да нет, вроде бы.

— Вы ведь не забыли, что сегодня приезжает Федор Константинович?

— Ах, Федор Константинович... — протянул я, косясь на Татьяну.

— Граф Вяземский, — прошептала она.

— Ах, граф Вяземский...

Что это за шутки? Я что, попал в какой-то ситком?

— Татьяна, барышне нездоровится. Устрой так, чтобы недуг отступил, — голос Акулины не допускал никаких других вариантов, так что я отбросил даже мысли прикинуться больным. — Барышню причесать и одеть. И скорее, не вздумайте пропустить завтрак.

Она грозно посмотрела в сторону упавшего столика.

— И порядок наведи.

С этими словами Акулина Ивановна, прихватив сломанную сережку, покинула спальню. Я пошел к упавшему столику и столкнулся с Татьяной.

— Анна Петровна... Позвольте...

— Э, ну, ладно...

Татьяна поставила столик и водрузила сверху шкатулку, в которую собрала остатки украшений. После распахнула окно, сообщила, что принесет какие-то принадлежности, и оставила меня, наконец, одного.

Пахло скошенной травой. Где-то за окном что-то поскрипывало на гравии, слышался цокот копыт. Зрение, наконец, вернулось в полной мере, и я обнаружил в углу комнаты трюмо, с зеркалом побольше. На меня снова смотрели испуганные зеленые глаза. Хотелось отражение прикрыть какой-нибудь тканью.

Но сначала о главном. Итак. Я в теле девушки из прошлого. И меня сегодня засватают. Этого, по понятным причинам, допустить никак нельзя. Выходить замуж я здесь ни за кого не собираюсь! Но для того, чтобы вырваться из сценария, нужно понять свою роль. Анна Петровна. Кто такая Анна Петровна?

Ее комната была просторной, но не слишком роскошной. Обои потускнели, местами даже пожелтели от времени, но на них ещё виднелся некогда изящный узор. Кровать сверху укрывал шерстяной плед нежных пастельных цветов. Облупившееся трюмо угрюмо стояло в углу. Я коснулся ногами побитого и жесткого ковра. Срочно нужны тапочки.

Но при этом у Анны богатое зеркальце, куча украшений. Вероятно, вполне обеспеченная дама. Пошарив по кровати и

заглянув под подушку, я нашел там часы на цепочке. Стекло треснуло, стрелки остановились на отметке четыре часа восемнадцать минут. На комодѣ стояла маленькая рамка. Я повернул ее и увидел небольшой портрет молодого мужчины с каштановыми волосами и светлой улыбкой. Весь он казался таким мягким, круглым и теплым... Я быстро глянул в зеркало. Да, глаза похожи на глаза Анны. Но почему портрет отвернут к стене? В отличие от всей остальной мебели, комод покрывал легкий слой пыли. Она не позволяет тут убирать? Сам портрет чистый, значит, берут в руки часто.

Отставив рамку, я попробовал открыть комод. Заперто. Поискав, ключа не нашел. Оставался еще небольшой письменный стол. В его ящике я обнаружил тетради, пенал и упрятанную в угол книжку на французском. Повертел в руках, полистал. Не понял ни слова. Швырнул на кровать.

Положив книжку к часам и портрету, я залез в небольшую печку, увидел там разорванные, обгоревшие листки бумаги и остатки обложки. Пошарив рукой, я сильно запачкался, но все же вытащил уцелевший кусочек.

«... он и эта фурия Акулина только могли понять! Я задыхаюсь здесь, но уже позаботилась о том, чтобы меня отсюда вызволили. Ва...»

Вот как. Я сложил все находки в кучку. Вдохнув, я медленно выпустил воздух, чтобы сосредоточиться. И передо мной раскрылся Зеркальный Сад. Каждая улика стала крошечным листочком-отражением на дереве по имени Анна

Петровна.

Первая веточка. Анна зачем-то решила сжечь в печке свой дневник. Судя по уцелевшему обрывку, Акулину Ивановну она не любит. В этом мы с ней похожи. Есть еще некий «он». Молодые девушки часто пишут в дневниках о любви и чувствах, и меня очень напрягало, что Анна дневник сожгла. Это жест, полный отчаяния, и сделала она это накануне. Так что основная версия такова: Анна против брака. Некий «он» пытается помолвку навязать.

Вторая веточка. Акулина в доме главная, Таня ее боится. Вероятно, мачеха? Таня же служанка Анны. На портрете брат или отец, но он отвернут к стене. Его здесь не любили? Его больше нет? Если так, то Анна жила в доме у кого-то другого. «Он и Акулина»...

И, наконец, третья веточка. Анна позаботилась о том, чтобы кто-то ее вызволил. Сама. У нас тут растет маленькая и очень бойкая бунтарка.

Мне вдруг стало неловко. Я копался в чьей-то памяти, в чужом горе, как в вещах в шкафу. Это все... не мое. Но внутри что-то екнуло.

Остаются только часы. Явно не женские, Анна их хранит, но починить не хочет. Похоже на якорь, последнее воспоминание о дорогом человеке? Или все же ее собственные...

В дверь постучали.

— Входите, — я спрятал находки в ящик стола.

Вошла Татьяна, сделав легкий реверанс. В руках она дер-

жала целый поднос разномастных кувшинов, склянок, расчесок, ножниц и приборов, назначения которых я не понимал. Через руку у нее была перекинута одежда. Она бросила взгляд на мои грязные от сажи руки и на кровать. И тут же покраснела, увидев книгу.

— Спрячьте, пока не увидели, — сказала она, вдруг отвернувшись.

А книжка-то пикантного содержания, выходит. Значит, у Анны и Тани есть совместные секреты. С этим можно работать. Я локтем, чтобы не запачкать кровать, спихнул томик под подушку. Таня опустила полотенце в таз с водой и начала отирать мне руки. От прикосновения холодной и мокрой ткани я покрылся гусиной кожей. Теперь я мог рассмотреть ее лицо. Слегка вытянутое, все усыпанное веснушками. Глаза странного, даже удивительного цвета, который я не мог опознать.

Взяв второе полотенце, она вдруг принялась вытирать мое лицо. Щекотно. После чего протянула мне третье, сухое. Я растерянно захлопал глазами.

— Ну, снова вы капризничаете.

Она вытерла мои ладони и лицо насухо. Ее руки, хоть и не такие нежные, как у Анны, двигались мягко и уверенно. От воды едва заметно пахло ромашкой. Таня закончила и выжидающе уставилась на меня. Я совсем растерялся и уставился в ответ. Уголок рта Татьяны дрогнул, и мое сердце сжалось. Сегодня ведь важный день. Ладно я, обирался сорвать

помолвку, но Таня ведь ни в чем не виновата. Я не хотел доставлять ей лишнего беспокойства.

— Татьяна, — сказал я, и она замерла в напряжении. Похоже, Анна к ней так обычно не обращается. — Таня. Я сегодня... проведу тебе экзамен?

— Экзамен?

— Просто хочу проверить, как хорошо ты знаешь этикет, меня и мою семью.

Я чувствовал, как все лицо сгорало от такой бесстыдной лжи. Таня смотрела на меня, сжав губы и нахмутив брови. Как будто боялась.

— Ответишь на все правильно — награжу, — я попытался смягчить ситуацию. — Ты меня умыла и вытерла, ты молодец. Что дальше?

— Волосы нужно убрать, Анна Петровна.

— Зови меня просто Анна.

— Хорошо, Анна... Петровна. Садитесь.

Я сел на стульчик рядом с трюмо и пока что отвернулся от своего нового отражения. Таня взяла мои волосы и начала их расчесывать.

— Следующий вопрос экзамена. Моя фамилия!

— Миронова.

— Хорошо. Какой нынче год?

— Май одна тысяча восьмисот восьмидесятого.

Внутри шевельнулась тревожная мысль: а вдруг сейчас вообще другое летоисчисление? Старый стиль? Новый

стиль? В голове закипела каша из страшных цифр.

— Ты имеешь в виду... по нынешнему счету? — выдохнул я.

Она посмотрела на меня так, будто я спросил, не квадратная ли у нас земля.

— У нас, разумеется, счет идет по Юлианскому календарю, — важно ответила Таня. Все в порядке, года тут считают как у нас.

Она дернула строптивый волос, и мою голову прострелило болью. Я схватился за несчастный стульчик, но только заболели пальцы. Какая же Анна хрупкая!

— Волос сегодня слушается, хорошее масло Акулина вам выбрала, Анна Пет...

— Анна.

— Хорошо.

Ладно, поработаем. Кстати говоря...

— Акулина Ивановна. Она у нас кто?

— Экономка.

Знать бы еще, что это за зверь такой, экономка. Теперь нужно спросить о хозяевах дома. Вот только как понять, на каком я тут положении?

— В каком мы городе? — я начал издалека.

— Тверская губерния, — бодро отвечала Таня.

Я украдкой посмотрел в зеркало. Глаза Тани блестели, руки бодро расчесывали мою гриву. Даже приосанилась, в отличие от меня. Ну, похоже, она втянулась в игру.

— Расскажи про графа Вяземского.

— Ой, он очень хороший человек, — торопливо выпалила она. — Я слышала о нем только хорошее.

Ох, не понравилась мне эта реакция. Уж слишком заготовленной она прозвучала.

— И ни разу не видела?

— Конечно, ведь он приезжает в первый раз.

Меня всего передернуло. Как здорово, меня выдают за человека, который и в доме-то не был ни разу! Сама Анна вообще его когда-нибудь видела? Что это за слепые свидания?

Пока мы болтали, Таня успела закончить с моей прической. Она соорудила на голове что-то рыжее и высокое, напоминавшее огненный смерч, в котором красовалось несколько заколок-цветочков. С жемчужинками. Я вспомнил про разбитые серьги.

— Дальше по экзамену мы аккуратно снимем ночнушку и затянем корсет, — объявила Таня, дернув ленты на моей спине.

Я вскрикнул, схватившись руками за падающую ткань.

— С-справлюсь, сама, — пробормотал я в ответ на удивленный взгляд.

Раздевание при свидетелях — к такому жизнь меня не готовила. Как-то это было неправильно. Еще хуже то, что меня одевают для *кого-то другого*. Я отошел в сторону и попытался снять ночнушку. Она никак не поддавалась, и, спустя пару минут возни с тканью, я чуть не угробил прическу.

— Анна! Позвольте, все же.

Сгорая от стыда, я позволил Тане снять с меня ночнушку. Она вытащила ключ от комода и, открыв его, протянула мне какую-то тряпку с ленточками.

— Камисоль.

Кивнув, я принял ее и развернул. Больше всего эта камисоль походила на кружевной топ. Я, стараясь не смотреть в зеркало, надел его и завязал, как мог.

— Вы надели неправильно, — уверенно сказала Таня. — Позвольте.

Ну да, у нее же сейчас экзамен. А у меня — тест на психическое здоровье и защита по актерскому мастерству! Яглянул на себя в зеркало: на стуле сидела красная, как рак, девица, прячущая свой небогатый бюст, с растрепанными волосами и затравленным взглядом. У такой точно отбоя от женихов не будет! Таня ловко завязала все нужные узелки. Я старался запомнить ее движения, чтобы в дальнейшем одеваться самому. И тут она вытащила из комода Его Величество Корсет.

Бежевый, с какими-то лентами и застежками. Мои ребра сразу заныли, а дыхание стало прерывистым. Я чувствовал, что сейчас начнется самая настоящая пытка, и подался назад. Таня лишь рассмеялась. Хорошо тебе, в простеньком-то платье!

Я послушно поднял руки в ответ на требование Тани. Она приложила корсет к моей спине и ловко застегнула железные

замочки на боку. Я выдохнул. Похоже, все не так плохо.

— Правильно выдохнули, — внезапно сказала Таня и потянула за ленты.

Остатки воздуха вышибло из моей груди окончательно. Корсет стянул и так худенькое тельце Анны сверх всяких разумных пределов!

— Это обязательно? — выдавил я слова, пытаюсь отвоевать хоть немного воздуха.

— Конечно, обязательно, — продолжила играть в «экзамен» Таня. — Подышите.

Я подышал, и она потянула вновь, еще сильнее. Шнуровка натянулась как струна, и я почувствовал, будто об ткань колотится мое сердце. Глаза мои полезли на лоб, а на лице Тани появилась хищная улыбка. Понятно, госпожа Анна доставляла тебе много неудобств, а ты и рада ей хотя бы так отомстить. Ну, я тебе устрою!

— И еще!

Устроить я, конечно, ничего не смог. Каждый вдох отдавал в ребра. В глазах замутило так, что чуть в обморок не грохнулся. Помахав рукой, я просипел что-то среднее между «погоди» и «пощади». И тут Таня запустила руку под корсет. Меня будто током прошибло, так все сжалось от ее прикосновения. Я подскочил и вырвался от нее, прикрывая все свои богатства.

— Ну, сами так сами, — весело сказала она, протягивая мне юбку.

Я потянулся взять ее, и корсет неприятно уперся в мягкую грудь. Скривившись, я понял, что хотела сделать Таня. Просто поправить мою грудь в этой ужасной конструкции. Ну, с этим-то я справлюсь.

Сам. Меня бросило в жар, и я посмотрел вниз, на чашечки корсета. Пустые, потому что нужно что-то в них положить. Я посмотрел в зеркало, и там на меня смотрела большая фарфоровая кукла. Чужое. Чужое тело!

Ничего на свете я не хотел больше, чем провалиться под землю, прямо в ад, поправляя свою грудь и распределяя ее в чашечках корсета. Я бы душу отдал за футболку и джинсы! Но я справился, пока Таня прыскала со смеху. Я посмотрел на нее так строго, как мог, и она тут же отвернулась к своим вещам.

Наступила минутка спокойствия. Я подвигался и заметил, что эта камисоль под корсетом оказалась совсем не лишней. Ткань ее была мягкой и приятной для кожи. При этом камисоль вполне защищала от жесткой клетки пыточного орудия поверх нее.

Юбку у меня надеть вышло без посторонней помощи, но потом пошло какое-то невероятное количество абсолютно бесполезных предметов. Какая-то металлическая конструкция в виде лесенки, которую мне пристегнули сзади, еще одна юбка, платок на шею, туфли, чулки. Я потерялся. Меня наряжали, словно куклу, и все это казалось мне совсем не веселым. Таня вертела мной как хотела, а после принялась

красить. И я не понимал, модно ли это, хорошо ли я выгляжу, и хочу ли я выглядеть хорошо вообще.

Из глубин зеркала, отражения чужой комнаты, на меня смотрела дворянка в пышном розовом платье с пояском на талии. Розовые щечки, помада и зеленые глаза. И чересчур открытые плечи. Мне это почему-то показалось ужасно неловким.

— Можно ли как-то прикрыть мне?

Таня только улыбнулась. Увы, неуместное только по моему мнению.

— Какая же красавица, — заверила она меня. — Его высокоблагородие будет так доволен...

— Граф?

— Почему граф? — непонимающе посмотрела на меня Таня. — Арсентий Платонович. Ваш дорогой дядюшка.

Так вот в чьем доме я живу. Знать бы еще, почему.

— Таня, скажи, это все его идея, получается? Он жениха подыскал?

Глаза Тани вдруг забежали, но я схватил ее за руку и успокаивающе похлопал. Придется проявить немного напора.

— А как ты относишься к этой помолвке?

— Анна Петровна! — Таня дернулась и покраснела. — Ну, нам пора завтракать.

— Во-первых, просто Анна. Во-вторых, я задала вопрос. Экзамен, помнишь? Отвечай честно.

Таня замялась, покусав свою губу.

— Не... не модно уже это... Вот!

Она вдруг встала, резко,правила платье. Грохнула шка- тулкой об трюмо и вихрем вылетела из комнаты. Я расплыл- ся в хитрой, даже бесоватой для прелестного личика Анны, улыбке.

Не модно, значит, нынче свататься. Что же, с этим можно работать.

Глава 2

Передо мной разноцветным заборчиком лежали аккуратно уложенные сережки. И я не мог понять, какого именно цвета была часть этих богатств. Ну, то есть, я примерно понимал. Зеленые изумруды, синие агаты. Наверное. Просто цвета были такие насыщенные, такие странные. И дело ведь не только в украшениях, даже стены и деревья казались мне более яркими что ли. Пряничными. Как будто я оказался в сказке, попав сюда.

Вот только внизу меня ждала далеко не сказка. Оттягивая момент, когда мне придется спуститься завтракать, я взял несколько пар сережек и примерил к платью. Да, к этому цвету лучше всего подходил именно жемчуг. Я взял жемчужную сережку и аккуратно продел ее в дырку в ухе. Она оказалась тяжелой, мочку тут же потянуло вниз. Странное ощущение.

Я покрутил головой. Одинокая сережка все же смотрелась совсем сиротливо. Я осторожно отцепил заколку и позволил челке прикрыть пустое ухо. Прямо вернул себе семьдесят седьмой. А что, с одной сережкой и эмо прической Анна выглядела вполне себе лихо. По меркам девятнадцатого века. Я осторожно снял еще одну заколку и выпустил прядку, чтобы слегка прикрыла глаз. Ну, роскошно! Только волосы начали топорщиться местами.

Анна в отражении смотрела уже не так испуганно. Я по-

крутился еще немного, прищуривая то один глаз, то второй. Отражение повторяло, как маленький озорной зверек. Оде-
тый в коробку от конфет.

— Боже, что я тут делаю?

Я ведь в чужом времени и в чужом теле. Надо собраться и постараться не загреметь в психушку. Отыграть эту роль.

Снизу зазвучала весьма приятная мелодия, играли на кла-
весине. Я пригладил волосы и поднялся. Корсет давил, но не катастрофически. Дышать можно. Юбка совершенно не мешала ходить, но я чувствовал себя странно. Словно на моем заду была подушка, которая подпрыгивала при каждом шаге. Тут же принялась зудеть лодыжка. Постоянно оправляя платье на каждом шагу, я умолял свои ноги не чесаться выше колена. Потому что добраться до них я бы не смог.

Выйдя в коридор, я чуть не столкнулся с лопоухим пацаном, который тащил куда-то грязные калоши. Я дернулся назад, чтобы не запачкать платье, но услышал предательский треск где-то со стороны косяка.

— Тили-тесто! Жених едет к невесте! — радостно запрыгал он.

— Платье испачкаешь!

— Ой, простите, барышня.

Он опустил голову и потопал вниз по лестнице. Удостоверившись, что пацан скрылся, я повернулся посмотреть на проем. Где-то на уровне бедра из косяка торчал гвоздь. Зловредный кусок железа пропорол юбку, оставив дыру длиной

с палец. Я представил, какой поднимется шум, и внутри все упало.

Я заметался глазами по коридору, и в дальнем его конце увидел портрет. Полный мужчина с крючковатым носом и такая же пухлая дама, придерживающая руками какую-то шаль, которая ниспадала с локтей вниз, прикрывая часть платья.

— Барышня, завтрак! — крикнула снизу Акулина. — Вам нельзя сегодня быть бледной!

— Ща... Кхм... Сейчас спущусь!

Под сменившуюся мелодию я вернулся в комнату и начал рыться в комод, раскидывая вещи по комнате. Хорошо, что Таня оставила его открытым. На секунду кольнуло в груди, как представил, что ей придется это все убирать, но выбора не было. С самого дна я вытащил шаль, вполне сносного цвета. Я накинул ее на локти, прикрыв дыру в юбке.

Кризис миновал!

Я спустился вниз, и внезапно обнаружил себя в декорациях исторического сериала. Просторный коридор с украшенными лепниной потолками, тяжелыми люстрами, блестящими на свету обоями и целой кучей статуэток в виде шахматных фигур. Посреди коридора стоял разложенный стол с чьей-то недоигранной партией. Паркет заскрипел под моими ногами, и тут же распахнулись двери столовой, откуда вышла Таня.

— Анна, — она остановилась под моим строгим взглядом,

не сказав отчества, и немного улыбнулась. — Завтрак подан, — ее глаза вдруг испуганно расширились. — Что вы наде-
ляли?

— Татьяна, доверься мне, — я поспешил перехватить ее руки, прежде чем она прикоснулась к моей прическе. — Так нам не нужно думать о сережках.

— Но Анна, — беспомощно запричитала она.

— Это модно, — я старался звучать как можно увереннее, что было непросто с тонким голоском Анны. — Я вычитала в одном журнале.

Таня все же успокоилась, но настояла поправить прическу хотя бы немного. Она прибрала петухи, и челка перестала топорщиться. Хорошо, хоть про шаль ничего не спросила. Закончив с моим образом, мы, наконец, прошли в столовую.

Комната встретила меня мягкой рассветной свежестью. Едва проснувшееся солнце придавало окружению пастель-
ные тона. Стол накрывала белоснежная скатерть с кружевом и затейливыми вензелями. Фарфоровые тарелочки казались почти прозрачными, настолько изящными и тонкими они были. Посреди стола гордо стоял пузатый серебряный само-
вар, на подносе вокруг которого рассыпали сушки и булоч-
ки. Нарезанные дольки лимона желтели в тарелке. И это бы-
ла, в общем-то, вся еда. Я даже немного расстроился, пото-
му что живот, такое чувство, прилип к позвоночнику. Анна
явно объявила голодовку в ответ на помолвку, но страдал-то
сейчас я! Резкий голос Акулины слышался из соседних ком-

нат.

— Ешьте быстрее! К приезду графа будет второй завтрак, нужно нагулять аппетит.

— О, как.

Я оглядел стены с картинами в дорогих рамах, хранившие чужие мне истории. В шкафах за стеклом хрустальная посуда ловила солнечный свет, играя бликами. Роскошный камин с мраморной полкой украшали часики, шкатулка и подсвечник. А также одинокое кольцо. Над столом расправило крылья чучело тетерева, нелепо выпучившее свои стеклянные глаза. А на стене висел старый пистолет, потемневший от времени. Жаль, пострелять из него мне вряд ли дадут!

Все выглядело слегка захламленным и тесным, будто в эту комнату хотели впихнуть все богатства сразу. Я вспомнил бедно обставленную комнату наверху, и многое понял о положении Анны в доме. И тут я учуял его. Волшебный, бодрящий аромат.

— Таня, а можно мне кофе?

— Кофе? — удивленно переспросила она. — Но вы же терпеть его не можете.

— Сегодня можно.

— Если вы планируете пролить его на платье, то я попрошу вас пощадить мои руки. Я сегодня стирать не планировала.

Таня виновато улыбнулась, будто извиняясь за свою наглость. Но я поспешил ее успокоить.

— Мы только что вместе исправляли прическу не для того, чтобы испортить платье.

— Ваша правда, Анна, — Таня смутилась еще больше.

Она отправилась куда-то на кухню и подала к столу чашечку ароматного кофе и порцию сливок. Я был готов поклясться, что видел озадаченный взгляд Акулины в дверном проеме. К столу приставили два стула, и я, плюхнувшись на свой, схватил кружку и сделал глоток.

Какое же это блаженство. Такого сорта я не пробовал, а ведь я кофеман со стажем! И даже в разгар сессий и курсовых я всегда находил в себе силы поставить турку на плиту и проследить за ней от и до. Терпкий вкус невероятно бодрил, и сливки идеально разбавляли его своей мягкостью. Присыпанная карамелью булочка идеально дополнила завтрак, тая во рту. Жаль, только, музыка вдруг окончилась. И еще сильнее все испортил крайне смущенный взгляд Тани, стоявшей рядом.

— Э-э? Фто-то не так?

И тут открылись двери и вошел дядя. Хотя, скорее, подойдет слово вплыл. Весь он был круглый, медленный, торжественный. Камзол туго натянулся на обширном животе, маленькие ладошки взмахивали, как плавники у рыбки. Единственное, что никак не вязалось с его внешностью — острый, крючковатый нос.

— Аннушка! — Пропел он елеиным голосом, с ноткой добродушного возмущения. — Начали завтракать, и без ме-

ня.

Он опустился в кресло, медленно и чинно, как дирижабль. Таня тут же сообразила ему завтрак, вынесла на тарелке хлеб, намазанный паштетом, ростбиф и пиалу каши с курагой. И встала вдали, пожирая меня глазами. Дядя к еде не притрагивался и смотрел в сторону дверей в коридор, пожевывая свои губы.

Таня напряженно смотрела на меня. Очень плохо. От меня явно ожидали какого-то действия. Несмотря на круглость и мягкость дяди, Таня стояла бледная, вжавшись в стену. И даже на кухне, казалось, звуки притихли. Напряжение нарастало такое, что можно было резать его ножом, прямо на дольки, как лимон.

— Как ваше здоровье, дядя? — Попробовал я.

Он посмотрел на меня так странно, будто увидел в первый раз. И его взгляд вдруг стал жестким, а круглые черты лица вдруг обострились, все устремились к его угловатому носу.

— Не жалуюсь, — резко ответил он. — А вот ты как-то побледнела. Руки поднять не можешь?

Это явно была раздраженная подсказка. Мне хотелось смеяться от этой нелепости и съежиться от волны липкого страха. Да, я впервые видел этого мужчину, но он был хозяином дома. И уже что-то от меня требовал.

Он мог сделать со мной что угодно.

— Я... простите, — я попытался вложить как можно больше дрожащих ноток в свой голос. — Очень волнуюсь перед

смотринами.

Дядя на секунду удивился, и потом вдруг просиял, улыбаясь. Схватил меня за руку, ласково погладив по ней.

— Ах, Аннушка, я так счастлив, что твоя головушка встала на место. Так счастлив!

Мне стоило некоторого труда не отстраниться и смущенно улыбнуться в ответ.

— Мне даже жалко, что скоро ты уедешь, и некому будет наливать мне чай по утрам.

Вот оно! Еще подсказка, что я должен сделать.

— Сию минуту, Арсентий Платонович.

Он снова посмотрел на меня своим строгим взглядом, но ничего не сказал. Итак, налить чай. К счастью, я еще застал винтажные заварники, и на даче у нас был настоящий самовар. Так что техническая часть проблем не составляла. Но вот... какой крепости должен быть напиток? Как его подать? Подложить ли сушку?

Так, а ну стоп. Я посмотрел на дядю, который в это время деловито разворачивал газету. Почему я вообще об этом беспокоюсь? Захочет чего-то конкретного — попросит, верно? Я налил заварки и повернул краник самовара. Чаинки закружили хоровод в изящной кружечке. Запахло полем и чем-то ягодным. Смородиной.

— Ты смерти моей хочешь? — Полушутя спросил дядя, в ответ на поданный чай. — Я ведь тоже волнуюсь, между прочим. А с таким жидким чаем только в обморок!

Он шумно отхлебнул.

— Тьфу, вода одна. И налила, как украла.

— Скажите, если нужно исправить, — я лучезарно улыбнулся.

— Ничего не нужно, — пробурчал он, но тут же благодушно улыбнулся. — Другой дом уже зовет, правда ведь? Забудешь про дядю, уже забываешь. Но лишь бы счастлива была.

Дядя откинулся назад, погладив живот. Таня ожила, словно ждала именно этого жеста, и принялась собирать несуществующие пылинки. Да, я и без психологического образования прекрасно понимал, что тут происходит. Эмоциональный абьюз.

Проверим факты. Все домашние ходят на цыпочках и смотрят ему в рот, словно пытаюсь угадать, чего дядя хочет. Очень напряженная атмосфера. Прямые просьбы — тоже не про нас, только ждем и недовольно намекаем. А если что-то не так, то скрытая, шутливая агрессия. «Руки поднять не можешь, приболела». Ха!

И этот утренний ритуал с чаем. Явный символ контроля над Анной, раз он так сокрушается, что некому станет это делать после женитьбы. Уже не говоря про чередование строгости и ласки. Классические эмоциональные качели!

И смотри-ка, я только с ним познакомился, а уже поддаюсь его провокациям и гадаю, как угодить. Я вспомнил кусочек дневника и проникся к Анне уважением. Положение женщины в 19 веке вряд ли было легким, но она сопротив-

лялась эмоциональному тирану. Вот это крепость духа!

А, значит, я не должен ее посрамить.

— Дядюшка, — я резко вскочил со стула. — Сильно ведь скучать будете по мне?

— Ну, конечно, Аннушка, — степенно ответил он.

— Прямо сильно-сильно? — быстро прервал я.

— Очень, Аннушка, — он продолжил попытки сохранить свой медленный тон.

— Значит, переживаете? Переживаете ведь, верно?

— О чем, Анна? — слегка раздраженно глянул он на меня.

Отлично. Я оглянулся на Таню и подмигнул ей. Она покраснела.

— О том... кто сегодня приезжает. Вы же все о нем знаете? Какой он, граф Вяземский?

Неловкая формулировка. Я хотел сказать прямо: «о том, за кого меня отдаете», но что-то внутри очень сильно сопротивлялось. А себя не переломаешь. Дядя тем временем с равнодушным выражением лица принялся за бутерброд.

— Он чудесный молодой человек, дворянин, — дядя сделал акцент на последнем слове. — Хорошо образован и воспитан. А фамилия его, знаешь ли, весьма и весьма уважаема в свете.

Такой сильный акцент на фамилию. Дав дяде прожевать бутерброд, я напрягал свои мозги, вспоминая курс истории. В 19 веке дворянство уже теряло свои позиции, отменили

крепостное право. Но точно не потеряло шик и лоск. Дядя для чего-то хочет примазаться к дворянскому роду, это очевидно.

Дядя тем временем принялся за чай. Было очень смешно наблюдать, как он морщился, плевался, но пил «худой чай». Я заметил, что в корнях его волос спряталась седина. Он уловил мой взгляд и сдвинул свои брови.

— А что он любит? — обрушил я очередной вопрос на старика.

— Ну, как. То же, что и все дворяне. Балы, например, прекрасно танцует. Будет читать сегодня стихи.

— То же, что и дворяне? Но не будет ли ему в таком случае здесь скучно?

Похоже, не стоило говорить это вслух. Дядя вдруг помрачнел так сильно, что у меня все похолодело внутри. С кошмарным грохотом упала на пол ложечка из Таниных рук. Арсентий Платонович коршуном зыркнул на нее, и бедняжка сбежала на кухню. Он медленно повернулся на меня, и ком застрял в моем горле. Лицо дяди стало багровым, надулись венки у виска.

— Ты сделаешь все, чтобы ему не было скучно. Уяснила?

Я кивнул, и этот жест мне дался с трудом. Дядя поднялся, и я машинально сел.

— Что у тебя на голове? Ты не вздумаешь сорвать мне эту помолвку. Будешь улыбаться и слушать все, что граф тебе скажет. И никаких...

Его прервал тот пацан из коридора, вихрем ворвавшийся в комнату.

— Граф приехали! — Торжественно крикнул он.

Дядя стал собой в мгновение ока.

— Молодец, Степашка! — Озарил он его лучезарной улыбкой, и тут же, даже слегка суетливо, продолжил: — иди, принимай его одежду, да сюда веди. Как училси.

Он повернулся ко мне, и вдруг в его глазах я увидел чуть ли не слезы.

— Ах, как я счастлив. Ты сделаешь меня сегодня счастливым! Таня! Собери Аннушке волосы! Вся растрепалась.

Промокая слезы, он вышел из комнаты, и тут же вошла Таня. Она потянулась к моим волосам, но я успел прийти в себя и покачал головой.

— Сережку не сделали? Тогда оставляем как есть.

Поджав губы, Таня принялась поправлять мое платье. Увидела прореху в юбке, но ничего не сказала, только в два рывка поправила на моих локтях шаль. Я не мог не заметить, что она начала двигаться грубо, требовательно вертела меня по сторонам.

— Что-то не так?

— Зачем вы так с дядей, Анна Петровна? — спросила она.

— Признаться... я и не поняла, что сказала что-то не то.

— Вот вы! — Таня вдруг вспыхнула, одернув руки. — Не думала, что вы можете быть так жестоки!

— Но я правда... — мне стало страшно, ведь я не хотел

терять единственную союзницу. — Таня, давай потом поговорим об этом? Пожалуйста? Мне правда нужно.

Видимо, мой испуганный взгляд ее смягчил, поскольку она сама смутилась и продолжила поправлять мой наряд, стараясь больше не встречаться глазами. И тут на меня накатила новая волна ужаса, от которой похолодели руки. Этот наряд ведь поправляли на мне потому, что я сейчас буду сватан! А я даже не знал, как это происходит! Двери в коридоре открылись, и я услышал неясные голоса и незнакомый бас.

Началось.

Голоса радостно приветствовали друг друга, звучало часто нарочитое «граф», которое дядя произносил, кажется, с особым удовольствием.

— Вы прекрасны, Анна, — шепнула Таня. — Я за вас рада.

Я не мог принять этого комплимента и не мог радоваться вместе с ней. Это все очень неправильно. Я чувствовал себя куклой на витрине. Легкая нотка тоски или даже какого-то недовольства во взгляде Тани — единственное, что придавало мне сил. Не модно. Значит, еще не все решено. Значит, есть варианты!

Как назло, в зал ворвалась Акулина, и тут же увидела мои с Таней художества.

— Это что такое? Я же наказывала найти приличные серьги!

— Акулина Ивановна...

— Что, Акулина Ивановна, Таня? Вы вдвоем меня в могилу сведете, — всплеснула она руками. — А что это за прическа? Какое несчастье-то!

Похоже, она отлично дополняла дядю в тех сферах, куда он дотянуться не мог. Таню от этих эмоциональных качелей нужно было спасать.

— Акулина Ивановна, не волнуйтесь. Я сама приняла такое решение, и это вполне модный вид.

Акулина посмотрела на меня невидящими, рыбьими глазами. Как будто не услышав ни слова.

— Уволить тебя мало, испортила нам барышню перед столь важным событием! И граф уже здесь!

Таня устремила взгляд в пол и выглядела так жалко, что мое сердце сжалось. Ну, нет, такие фокусы рядом со мной не пройдут. Я решительно пошел вперед, грозно шелестя платьем и резко дернул Акулину за рукав.

— Слушайте сюда, госпожа экономка, — тихо начал я. — Мою Таню вы не уволите ни при каких обстоятельствах. Хотите знать, почему? Потому что я сама себе такую прическу устроила.

Честно, мне хотелось смеяться с того, как «грозно» звучал мой тоненький голос. Но Акулина, наконец, обратившая на меня внимание, замешкалась и беспомощно открыла рот.

— Барышня, что вы такое... — начала Акулина.

— Впрочем, можете уволить меня, я буду только рада, —

добил я.

Она замолчала. Через пару мгновений открылись двери, и вошли дядя и граф.

— ...наш товар, дорогой купец... — неловко закончил предложение дядя, глядя на нас.

Ох, и зрелище мы собой представляли. Таня в углу, с мокрыми глазами. Я, вцепившийся в Акулину. И Акулина, походившая на выброшенную на берег рыбу.

— Приятно видеть вас, сударыня, — поклонился мне граф.

Он был весьма молод и высок ростом, поэтому даже скромный поклон показался мне изящным и грациозным. Поднявшись, он слегка оправил свои светлые волосы и устремил свои серо-голубые глаза на меня. В них читалась сдержанная наблюдательность, слегка холодная. И такая аристократически правильная, что я почувствовал себя угловатым и неловким на его фоне. Тут же заныли ноги в туфлях, и я, отцепившись от Акулины, постарался изобразить реверанс. При этом я забыл подобрать свое платье и оно зашелестело, тут же запуталось в ногах, и я чуть не упал, краснея от напряжения и стыда. Граф тут же перевел взгляд на убранство комнаты. От дяди не ускользнуло общее напряжение, и он тут же подлез графу в поле зрения. Я был ему за это почти благодарен.

— А эту вазу я...

Пока он занимал его рассказами, я, по тихому совету Та-

ни, устроился за стол, продолжая разглядывать графа. Одет он был в темный сюртук и светлый жилет с едва заметным узором. Острые кончики белого воротничка выглядывали поверх плотно повязанного галстука. Серые брюки ложились ровными складками на безукоризненно начищенные туфли. На жилете поблескивала цепочка карманных часов.

Я не особо любил костюмы, и по графу было заметно то же самое. Он постоянно поправлял свой платок, двигал руками, словно пытаясь расправить свои плечи, нетерпеливо одергивал жилетку, заставляя звенеть цепочку часов. Что же, видимо, и в 19 веке нужно достичь определенного возраста, чтобы привыкнуть к костюму.

Начали выносить блюда, и второй завтрак уже выглядел весьма многообещающе. Поставили нарезанное мясо, ростбиф, булочки с пряностями, несколько видов варенья, птицу, блины. Киты затянули песни в моем животе, и я заерзал в надежде, что никто их не слышал.

Мужчины обсуждали какую-то политическую ерунду, не обращая на меня никакого внимания. И слава богу. Честно, хотя граф меня сейчас интересовал меньше всего, я чувствовал неловкость и просто не знал, куда себя деть. Приближался момент, когда они закончат говорить, и, наконец, гвоздем программы этого утра стану я.

От волнения хотелось занять себя едой, но первой прикасаться к тарелкам, скорее всего, нельзя. Дядя живо рассказывал графу о том, как ладно у него идет хозяйство, сколько

у него доход. И, наконец, перевел взгляд на меня.

— Ну, хватит о делах. Ждет наша гордость. Моя племянница.

Граф окинул меня своим скучающим, отстраненным взглядом. Его тонкие губы задвигались, как будто он хотел подобрать какие-то слова. Против своей воли я заметил, что прекратил дышать и ждал, что он скажет.

— Моя племянница воспитана скромно, — в клочки разорвал тишину дядя. — Но по правилам. Чтением не пренебрегает, музыку любит.

Мы с Таней переглянулись на слове «чтением», вспомнив о томике наверху. Та прикрыла ухмылку, но тут же стала серьезной под строгим взглядом Акулины.

— Чтением... — протянул граф.

Он говорил ровным, размеренным тоном. А дядя, напротив, стал вдруг деятельным, суетливым, лишился всей степенности и весомости. Граф будто забрал его роль.

— Вы предпочитаете музыку клавесина или скрипки? — вдруг спросил граф, блеснув глазами.

Я поднялся и сделал небольшой поклон.

— Скрипку, ваше благородие.

— Ваше сиятельство, — дядя сделал нажим на втором слове, будто подсказывая мне, — Анна обладает прекрасным слухом.

Его круглое лицо при этом сияло, как масляный блин на солнце. Граф его реплику пропустил мимо ушей.

— Конечно, скрипку... — пробормотал он слегка разочарованно. — Ведь за двумя зайцами погонишься, да не выловишь рыбку из пруда.

Я, кажется, не был так хорошо воспитан, поскольку в ответ на мой удивленный взгляд граф крайне смутился. Словно за спасением, он вопросительно посмотрел на дядю, который тоже выглядел удивленно такому странному выражению.

— К столу, конечно, — нашелся он. — Угощайтесь, ни в чем не отказывайте. Анна, чаю.

Пока что я решил не портить никому жизнь и, снова кивнув, принялся разливать всем чаю. Рукава платья шуршали и мешались, но я все же справился с задачей и наполнил кружку графа. Я подвинул к себе сахарницу, но он вдруг наморщил лоб и посмотрел на меня со странным выражением.

— Не нужно, сладкое приглушает характер чая. Лучше две дольки лимона.

— Ваше сиятельство, прошу простить скромность угощения, — дядя снова вклинился в разговор. — Расскажите, что у вас дома подают? Я столько слышал о вашем поваре.

— Вы слишком строги к себе, ваше высокоблагородие, — граф перевел взгляд на чучело под потолком. — У меня дома все обычно, фазан, ростбиф, да так любимое матушкой сладкое к десерту. Наш повар англичанин, и эти заморские манеры все больше проникают в нашу жизнь, но мы держимся.

Сиятельство, благородие, высокоблагородие. Шла кругом голова, нужно бы подучить правила этикета. В первый раз дядя спас мою неловкость, но каждое последующее вторжение в разговор становилось все более навязчивым. Он ну очень хотел, чтобы все прошло гладко. Но, что интересно, на меня он периодически смотрел с ровно таким же заискивающим выражением, что и на графа.

— Ваше сиятельство, а как у вас в имении...

— Все хорошо, Арсентий Платонович, у нас...

— А что же ваши слуги? Вышколены...

— Не думаю, что можно желать лучших...

Они говорили и говорили о том, как ладно все в хозяйстве у графа, вместо того, чтобы говорить... обо мне. Он не давал установиться тишине и просто-напросто рекламировал мне графа. И в этот момент я осознал, что дядя Анну просто боялся.

Ведь Анна — бунтарка. Она может все сорвать своей капризной выходкой. И если наедине дядя мог с ней быть строг и страшен, то в присутствии жениха это невозможно. А, значит, нужно подать графа с выгодной стороны. И имение у него роскошное, и слуги у него по струнке ходили, и не будет Анне никогда с ним никакой печали. Снова и снова Анна меня удивляла.

Я откинулся на спинку кресла, рассматривая эту сладкую парочку. Ну же, граф, а почему ты так увлечен этим разговором? Неужели тебе не хочется посмотреть на свою буду-

щую невесту? Узнать у нее что-нибудь? Что это за жалкая попытка со скрипкой и виолончелью? Граф, ты ведь можешь лучше.

Я пожирал его глазами, пытаюсь понять, что это за человек. Акулина и Таня смотрели на меня с тревогой, но мне было все равно. Сад Отражений снова расцвел в моей голове.

Граф молод, говорил красиво, соблюдал этикет. Ожидаемо. Но разговоры об имениях и прочем его явно утомляли. Он отвечал машинально, заученно, отводил в сторону свои светлые глаза. Но ведь он слегка зажегся, когда спросил про музыку. Или, вернее, про инструмент. Клавесин. В чем же, в чем же твой секрет...

И почему ты не хочешь на меня смотреть? Ты что, тоже меня боишься? Как смешно, в этом мире, в этой ситуации, когда мужчины распоряжаются жизнью девушки, они же ее боятся? Я незаметно подозвал к себе Таню.

— Дядя любит играть на музыкальных инструментах? — уточнил я у нее.

— Да, на клавесине.

— Дядюшка, — весело подал я голос. Оба мужчины вздрогнули от неожиданности, и Акулина, к моему удовольствию, напряглась. — А вы ведь сыграете нам на клавесине?

— О, вы играете? — Оживился граф.

— Ну что вы, совсем любительски.

— Дядюшкина игра звучит превосходно. Вы обязаны услышать, ваше сиятельство.

— А ведь я бы и в самом деле послушал.

— Пожалуйста, дядя, — прибавил я, пытаюсь строить глазки.

Дядя пожевал немного губами, оглядывая нас. Но гордость взяла верх, и с лучезарным выражением он обернулся к дверям.

— Ну что же, тогда я вас оставити. Таня, прибири стол. Инструмент требует настройки, я вас позову. Общайтеси, — прибавил он, уходя.

Закрылась дверь и воцарилась тишина.

Глава 3

Граф явно хотел пойти за дядей, но, увы, приглашения не было. Таня захлопотала за столом вместе с Акулиной. Граф все так же избегал смотреть на меня, а вот я не стеснялся, искал ключи к пониманию. Но его холодное, отстраненное выражение лица сводило все мои усилия на нет. Нужно его как-то разговорить.

— Дядюшка не утомил вас разговорами, ваше сиятельство?

— Нисколько.

— Вам, верно, хотелось бы отдохнуть, а не говорить о том, как ведутся дела.

— Арсентий Платонович приятный собеседник во всех темах.

Стол убрали, и Таню куда-то отправили. С нами в комнате осталась Акулина, вставшая у стены за спиной графа. Естественно, кто-то должен присматривать за молодыми и глупыми. Невозможно остаться наедине. В какой-то степени это меня успокаивало. Но и несколько мешало.

— Ваш дядя держит дом в строгом порядке, — заметил граф. — Его дом для него, что называется, его... — он замялся, будто пытаясь подобрать выражение.

— Крепость? — подсказал я.

Граф едва заметно улыбнулся одним краем губ, всего на

секунду, будто его пристыдили.

— А для вас? — повернулся он, наконец. — Это дом или крепость?

Акулина строго подняла подбородок, смотря на меня сверху вниз. Граф же смотрел на меня выжидающе и даже... просяще. С какой-то странной надеждой, но на что?

Почему ему вдруг так важен этот вопрос?

— Не желаете прогуляться, ваше сиятельство?

— Отчего же, — кивнул граф. — Пока Арсентий Платонович настраивается, можно.

— У нас прекрасный двор, ваше сиятельство, — сказала Акулина. — Вы могли бы разместиться с сударыней в беседке, насладиться свежим воздухом.

— Вперед! — скомандовал я.

Мы прошли по коридору, и Акулина заглянула в комнату с инструментом, сказав дяде: «Молодые господа изволят пройтись». Открыв двери, мы вдохнули свежий, чистый воздух. Ярко светило солнце, освещая речку вдали. Та сверкала на солнце мириадами бликов, словно змейка своими чешуйками. Перед речкой раскинулись поля скошенной травы, исчерченные узкими тропками. Участок нашего имения отделялся забором, и по правую руку белела небольшая деревянная беседка. По левую руку, над флигелем, виднелись купола церкви и, чуть отдельно, ее же звонница, покрытая сетью трещин и паутиной строительных лесов. Мы спустились по крыльцу, и граф пытался взять меня под локоть, чтобы по-

мочь спуститься, но я инстинктивно одернул руку. Его это очень смутило. Ну, прости, что я к такому обращению не привык!

— Прекрасная погода. И дышится свободно, правда? — сказал я, чтобы сгладить неловкость.

Граф что-то пробормотал себе под нос. Мы двинулись к беседке, шурша гравием тропинки, и Акулина не отставала ни на шаг. Когда мы устроились внутри, на скамейках, она осталась рядом, не спуская с меня внимательного взгляда. Мне вдруг захотелось позлить ее еще сильнее. Я поддел прядку волос и убрал их за ухо, чтобы виднее было отсутствие сережки. И специально расправил платье так, чтобы Акулина заметила прореху. Ее лицо побагровело, но я был весь внимание на графа. Того слегка разморило, и он смотрел вдаль сонными глазами. Ветерок трепал его короткие волосы, придавая несколько ребяческий вид.

— Чтобы ответить на ваш вопрос, ваше сиятельство...

— Вы можете называть меня по-простому, Федор.

Какие мы смелые. Тогда извольте откусать провокации.

— Федор, я зайду с другой стороны. Вам когда-нибудь казалось, что вы проснулись будто не в своем теле? Будто ваша жизнь и не ваша вовсе?

Честно, я хотел не только растормошить графа. Мне нужно было проговорить о произошедшем со мной хотя бы кому-то, чтобы не начать сходить с ума.

— Каждый день, — вдруг сказал граф. — Если быть от-

кровенным.

— Отчего же?

— Впрочем... Кто ищет, тот рано встает, — он вдруг приосанился, принял снова серьезное выражение. — И я сегодня... ищу. И, может быть...

При этом он нервно тянул ворот своей рубахи, избегая смотреть мне в глаза. Ищешь, значит? Тогда почему ты ни разу не взглянул на меня?

— Позвольте, я ответила на ваш вопрос, а вы не хотите отвечать на мой?

— Но я уже ответил.

— Я этого ответа не принимаю.

Граф заморгал.

— Отчего же?

— Вы сказали А, но не сказали Б.

— Анна Петровна, вы... — подала голос Акулина.

— Акулина Ивановна, у меня в горле пересохло, — отчеканил я. — Принесите чаю.

Я запоздало поймал себя на этой жесткости. Неоднократно мне говорили, мол, я командовать люблю. Но дело ведь совершенно в другом, меня раздражало именно это вмешательство в разговор, когда он входит, что называется, в поток. Когда пытаешься вывести человека на откровение. Чтобы понять, что у него в голове, какие в ней ползают тараканы. В такие моменты любая помеха выводит из себя.

Но я не мог не подметить, что Федор тоже вдруг весь по-

добрался от моего голоса, напрягся. Увидев это, я, как гончая, взявшая след, уже не мог остановиться.

— Акулина, вы еще здесь?

— Сию минуту, сударыня, — проскрипела она и широким шагом пошла к дому.

Скрипнула дверь, и она скрылась. Но через мгновение вышла испуганная Таня. Я сделал ей жест рукой, и она его, слава богу, поняла, оставшись на крыльце. Можно считать, что мы, наконец, остались одни. Я видел, как граф разволновался и принялся тянуть воротничок своей рубахи.

— Федор, — обернулся я к нему. — Я жду ответа.

— Ну, как с вами сложно! — вдруг вспыхнул он, глянув на меня своими глазами. — Вы прямо как моя матушка!

Его взгляд мог прожечь сердце девушки насквозь. Заставить затрепетать. Но Федору не повезло, я выдержал этот взгляд. И он дрогнул, сдался. Отвел глаза и схватился за перила.

— Со мной не нужно сложно, — сказал я мягче. — Давайте просто, как по именам. Давайте и вовсе на «ты»?

— Простите, сударыня, я так запросто не могу. Это как-то... неправильно.

Крепкий орешек. Но надо, надо пробить этот лед.

— Во-первых, меня зовут Анна. Во-вторых, вы считаете меня неправильной?

— Простите, я не хотел вас оскорбить.

— Почему тогда вы на меня смотрите, только когда руга-

етесь?

Он весь вспыхнул, покраснел, и повернулся. С усилием уставившись на меня.

— Это неправда.

— Может, вы не желаете меня видеть?

— Это не так, — он покачал головой, и его глаза дернулись.

— Может, вы не желаете здесь быть?

— Ну, как с вами! — он отвел глаза. — Сложно... Вы режете меня без труда.

Не похож он на того, кто приехал свататься добровольно. Ну не чувствую я от него желания находиться здесь. Только разговоры, что ходят вокруг да около, будто он вытянул билет, которого не знает.

— Прошу вас, давайте сделаем просто. Могу я узнать, вы здесь против вашей воли?

Выражение лица Федора описать становилось все сложнее. Я и сам почувствовал себя неловко. Вероятно, я никак не вписывался в местный этикет. Мог ли я его оскорбить? Не хотелось бы.

— Федор, я не хочу вас чем-то задеть. Простите, если я вас смущаю.

Он не ответил. Скрипнула дверь дома, и в нашу сторону заспешила Акулина, звякая чашками на подносе. Стоявшую далеко от нас Таню она взглядом чуть не испепелила. Граф смотрел вдаль, и желваки играли на его лице. Наверное, я

слишком сильно надавил.

Между нами воцарилось неловкое молчание. Так что, когда Таня позвала нас слушать дядю, мы с облегчением поспешили в дом.

Клавесин, вне всяких сомнений, был главным сокровищем этого дома. Стоящий на небольшом подиуме темный инструмент, расписанный пикирующими соколами и мышками в траве. Белые клавиши блестели на солнце, отполированные частыми прикосновениями.

— Ну-с, — только и сказал дядя, когда мы расселись.

Он обрушился на клавиши коршуном. Инструмент отозвался россыпью первых нот — звонких, резких, почти сердитых. Взмахнул руками так сильно, что чуть не поднялся ветер. Еще несколько быстрых пассажей, и вдруг из требовательного звона начала проступать мелодия. Тихая и робкая, постепенно обрастающая новыми голосами, плотностью. Мелодия звенела, отражаясь от стен, от стеклянных окон. Настигала нас требовательным ритмом и густым звуком.

Графа сразило наповал. В глазах Акулины стояли слезы. Таня слегка вела головой, сложив руки на груди, вздрагивая от каждого громкого аккорда. Да и, чего греха таить, я тоже слушал с открытым ртом. Дядя играть умел, совершенно без дураков.

Когда все кончилось, звук продолжил звенеть в наших

ушах, и никто не решался его прервать. Дядя торжественно повернулся к нам на стульчике. Я захлопал в ладоши, и вместе со мной остальные. Дядя скромно улыбнулся и поклонился. Граф вскочил и пошел к нему. Но свернул чуть в сторону, к корпусу.

— Арсентий Платонович, это просто прекрасно. Безупречная, совершенно безупречная работа, — он нерешительно коснулся крышки и посмотрел на дядю. — Могу я взглянуть?

— На струны? — озадаченно спросил дядя.

— Сам механизм, — ответил граф.

— Кхм. Конечно.

Он бросил быстрый взгляд на нас, и Акулина с Таней тут же засуетились, исчезнув из комнаты. Все, отдых закончился, а домашняя работа никуда не исчезла. Дядя же осторожно, я бы даже сказал, трепетно, поднял крышку инструмента. Граф тут же нырнул внутрь.

— Поразительно. Какое изящество и простота. Где вы приобрели его?

— Не помню, у какого-то князя.

— Князя?

— Его продавали за бесценок, — дядя надулся и сдвинул брови. — Фактически, избавиться хотели. А мне посчастливилось выкупить и отреставрировать. Давно это было, вот и не помню.

— А вы не могли бы показать, как он настраивается?

— Ваше сиятельство, если не шутите, то смотрите сюда. Это вирбельбанк.

Они склонились над внутренностями клавесина, будто два мужика над капотом «Жигулей» у себя в гараже. Идиллия, самая настоящая. Дядя увлеченно что-то объяснял, а граф не менее увлеченно спрашивал. Слышались постуки, звон струн, дядя периодически хлопал по корпусу.

Нашли друг друга.

Потом подошло время к обеду. Федор немного оттаял и даже начал рассказывать случаи, приключившиеся с ним на охоте. Однако ни одну из историй он не закончил. Я понимал, почему, ведь истории с фронтов мужских хобби практически всегда включают в себя много алкоголя и нелепых случайностей. Проще говоря, не женских ушей это дело.

А жаль. Сейчас, когда вино развязало ему язык, он казался даже неплохим парнем. Охота доставляла ему огромное удовольствие. Я задумался о его вопросе. Возможно ли, что он так любит охоту за возможность покинуть собственный дом?

— Ваше сиятельство, — вдруг сказал дядя. — А давайте поохотимся.

— Прошу прощения, Арсентий Платонович, но я не взял своего ружья.

— Совершенно не проблема. У меня их три!

Заныло внутри от зависти. Дядя велел седлать лошадей и повел Федора куда-то во флигель. Эх, я бы все отдал за то,

чтобы пострелять. А не сидеть тут в дурацком платье. Приготовления заняли совсем немного времени, и вот в окно мы увидели, как уезжает вдаль телега с мужчинами, одетыми в охотничьи плащи и высоченные сапоги. Появилось свободное время, получается. Улучив момент, я дернул Таню за рукав.

— Нам нужно поговорить. Идем ко мне в комнату.

Таня кивнула, и мы побежали вверх, пока Акулина гремела посудой на кухне. Закрыв дверь, я усадил Таню на кровать и сел напротив нее. Она кусала губы, предвкушая удовольствие от сплетен. Но сначала нужно было расставить все точки.

— Таня. Я боюсь, что я ударилась головой.

— Что? Когда? Неужто граф?

— Нет, конечно. Раньше, гораздо раньше. Возможно, я ехала на лошади, — Таня подняла брови, — или бежала по саду, — Таня брови нахмурила. — Неважно, в общем, я что-то сделала, и теперь я частично забыла... некоторые вещи.

— Действительно, вы недавно упали в кладовке... Может, вызвать врача? — обеспокоенно предложила Таня.

— Нет, я вспоминаю, — я успокаивающе коснулся ее руки. — Просто мне нужно время. И сегодня я, похоже, обидела дядю.

Таня вдруг нахмурилась и поджала губы.

— Вы ведь не придумываете это сейчас, Анна Петровна?

— Таня, прекрати. Мне не к кому обратиться больше.

Только, молю, давай без Петровны. Просто Анна. Мы ведь уже договорились.

В тишине только слышалось наше сопение. Таня вздохнула и начала:

— Анна, вы ведь Миронова. А дядюшка ваш — Каратаев.

— Ага.

Таня заерзала. Все же, дядя в этом доме главный, и его уважают. Я бы удивился, если бы это было иначе.

— Он ведь коллежский асессор, VIII класс. Дворянин по Табели. Но не по роду... Не как вы.

Стоять. Я — дворянка? Я посмотрел на портрет улыбающегося мужчины на комод.

— Петр Миронов...

— Да, Петр Сергеевич, — с грустью повторила Таня.

Все же отец...

— Как это произошло?

— Погиб на Кавказе, — недоверчиво ответила Таня.

Да, сложно поверить, что у меня отшибло память о собственном отце.

— Но мы с дядей оба дворяне, получается? Тогда в чем проблема?

— Анна, вы что, пропускали уроки? Дворянин по роду передает дворянство своим детям. Дворянин по Табели — нет, его дворянство детям не переходит.

«То же, что и дворяне? Но не будет ли ему в таком случае здесь скучно?»

Я вспомнил, как ляпнул это дяде. И ужаснулся. Со стороны теперь казалось, что Анна, недовольная выбором жениха, указывает дяде на его низший статус относительно себя. Возможно, единственная болевая точка, которая доступна ей в этом доме.

И самая болезненная.

— О, ужас...

— Ничего страшного, дядя простит, — с намеком сказала Таня. — Ведь сегодня такой радостный день!

Очень радостный, да.

— Федор такой красивый, — продолжила Таня.

— Я за него рада, — устало сказал я.

— Вы так не считаете?

— Таня... Если честно, я против этой помолвки.

— Что вы такое говорите! — Таня округлила глаза и замала на меня руками. — Отвергнуть графа? Это же скандал!

— Чего сразу отвергнуть? Какой еще скандал?

— Ну как же, — округлились ее глаза. — Вас сочтут гордичкой! Капризной и дерзкой.

— А минусы?

— Никто не возьмет такую в жены.

Честно, я пока не очень понимал трагедии. Но соорил понимающую мордашку:

— Таня, послушай, граф сам не в своей тарелке. Разве ты этого не видишь? Ему явно интереснее дядин клавесин да охота. А на меня он даже не смотрит.

Таня посмотрела вверх, что-то обдумывая.

— Каков наглец! — выдала она.

— Да чего наглец-то?

Да уж, Таня явно обдумала не то.

— Не нужно его защищать. Уединился с вами в беседке, вскружил голову! И теперь нос воротит?

— Таня, ну хватит.

— Да он пришел в наш дом и отказался от такой красавицы! Я не могу такое простить.

Таня кинулась поправлять мое платье и прическу.

— Таня, — я схватил ее за руки. — Давай еще раз. Никакой Федор не наглец. Я чувствую, что он тут против своей воли. А на такой брак я соглашаться не хочу. Так что я прошу тебя, дай мне время спокойно во всем разобраться.

Таня долго, пристально посмотрела в мои глаза, и все же медленно кивнула. Я отпустил ее. Такие простые просьбы действуют на нее лучше всего.

— Да и не такая уж я и красавица.

— Анна. Если вы чувствуете, что с Федором что-то не то... то я на вашей стороне.

Я выдохнул. Могла ведь и Акулине донести.

— Но наши общие усилия, — она развернула меня к зеркалу, — оскорблять не позволю.

И правда, я выглядел как конфетка. Настоящая дворянка.

— Что-то ты много себе дерзости позволяешь, я смотрю, — сказал я, приосанившись. И пригрозил шутливо: — Сей-

час как отменю правило про отчество.

— Будет вам, ваше благородие, — сказала Таня, прикусывая губу. — Но вы и правда какая-то странная в последнее время. И слушать вас чудно и весело.

А какие анекдоты я могу рассказывать, ты даже не представляешь.

— И еще, Анна. Я хочу поблагодарить вас. Вы тогда не позволили Акулине Ивановне угрожать мне. Ну, увольнением. И сказали, «мою Таню не уволите». Это очень приятно услышать.

У меня потеплело на душе, а на глаза Тани навернулись слезы, но она их быстро смахнула.

— Я просто ценю все, что ты делаешь. И я не только про одежду и прочее.

Я вытащил из-под подушки томик французского.

— Это, и то, как ты терпишь мои проблемы с памятью. Не каждая подруга будет так помогать.

Таня зарделась и отвела взгляд. Я и сам смутился, но от своих слов отказываться не собирался.

— Анна Петровна! — раздался снизу голос Акулины. — Вас ждет работа. Таня! Переодевай Анну!

— Работа?

— Мужчины не вернутся до самого вечера, а по дому дел много, — снова крикнула Акулина.

Но я же дворянка...

Таня вытащила из комода простое платье из плотной си-

ней ткани. Когда ленты корсета распустились, и по спине пробежал ветерок, я чуть не застонал от наслаждения. В зеркале было видно, что вся кожа на спине смялась под его формами. Таня увидела прореху на юбке, но я лишь пожал плечами.

— Акулина видела.

— Ох, как она отыграется.

После таких слов больше всего хотелось плюхнуться на кровать и просто отдохнуть, но Таня усадила меня на стульчик и принялась распускать мою прическу, после чего ловкими и быстрыми движениями заплела мне косу. После она протянула мне синее платье и помогла надеть.

Я покосился на кровать снова, но Таня уже открывала дверь, откуда доносились покрики Акулины. Эх... Спустившись, мы увидели, что экономка всю хлопотала во дворе, развешивая белье и белоснежные рубахи. Пахло крахмалом.

— Анна Петровна, — крикнула она с притворной лаской, — а потрудитесь-ка объяснить, каким это образом вы умудрились угробить ваше платье?

Вот и настигла меня кара за мои шуточки.

— А кто же гвоздь у меня в косяке не забил? Вот его и нужно спросить.

— Игнат, вот же паразит! Просила ведь посмотреть.

На секунду я подумал, что смог избежать гнева Акулины. Очень зря.

— Но вы-то совершенно ничего перед собой не видите!

И столик свернули, и серьги сломали, а теперь еще и платье. Спасу на вас нет!

Честно, крыть было нечем. Но для гостя из будущего, я считаю, справился отлично.

— Позволю заметить, что из ситуации я выкрутилась. Никто ничего не заметил.

— Позволю заметить, что вы обратились к графу не по чину! Какой позор, Арсентию Платоновичу пришлось вас поправлять. Стыдно!

Меня костерили еще минут пять за то и за это, пока гнев не утих. Но наказание только вступало в силу.

— Ну, а теперь принимайтесь помогать. Барышней вы сегодня уже были, теперь пора быть хозяйкой.

Я покорно шагнул к ней, и тут же в моих руках очутилось тяжелое медное корыто. Я согнулся под его весом, и Акулина тут же добавила партию простыней.

— Сполосните, Анна Петровна.

Мутные мыльные узоры из пузырей расходились по воде. Воду, естественно, никто не нагревал, и у меня принялись отниматься руки. Мыло въедалось в кожу, в самые уголки ногтей. Я зашипел, но принялся полоскать белье.

— Вот, — сунула она мне ребристую доску прямо в воду. — Да сильнее, сильнее трите! Вон, вся грязь остается.

Я стиснул зубы, стараясь сделать работу как можно быстрее. Простыни резко хлопали в руках Акулины и оседали призраками на веревки.

— Выжми, да вытяни, чтобы не кривились. Ровнее!

Естественно, я весь облился, пока полоскал простыни. От воды платье прилипло к ногам, и лодыжки стало сводить от холода. Локти ныли так, словно я разгружал дрова. Пока я выжимал простыни, вода затекала и в рукава.

— Закатайте же, ну, — Акулина резво засучила мои рукава. И тут же из ниоткуда в ее руках оказалось деревянное ведро.

— Вот, набирайте лейки и пролейте грядочки. Радовались погоде? А земля-то пересохла. Башмаки там стоят. Ну, не смотрите так, не надломитесь!

Я начал плыть. Головой, не телом. Оно-то давно все вымокло. Я чувствовал себя юнгой на корабле, разве что плескавшая везде вода была пресной. Поднимать тяжеленную лейку оказалось тем еще испытанием. Где-то в этот момент я впервые захотел обратно в корсет. Вода резво плескалась через край лейки, ведра, казалось, даже колодца, заливаясь в башмаки. Мне лишь немного согревало сердце, что Таню гоняли по всему участку не меньше. Вдвоем страдать веселее.

— Хватит, зальете! В дом теперь. На кухне щи кипят, нужно картошки дочистить, да лук перебрать. Вы ведь барышня хозяйственная, не то, что другие.

Хозяйственная барышня мигом управилась с картошкой, к удовольствию Акулины. Но вот лук оказался финальным ударом. Я сидел, перебирая его, и по щекам текли слезы. И чем больше я вытирал их пропитавшимися луком и мылом

руками, тем больше их текло.

Эх... дворянка, называется.

— Аннушка!

Мы впахивали весь день, и не заметили, как вернулись дядя с графом. Голос дяди застал меня на пороге моей комнаты, я даже не успел прилечь. К этому моменту день уже казался бесконечным, а в легких что-то хрипело.

— Да?

— Что «да»?

Как же я хотел ответить в рифму. Но приличия и нормы.

— Вы что-то хотели?

— Спускайся, — уже раздраженно крикнул дядя.

Тут же появилась Таня, как мое продолжение. Она тоже валилась с ног, но все-таки находила в себе силы держать очередное платье.

— Таня, я не могу. Что происходит? Что дяде нужно?

Моя камеристка посмотрела на меня со странным выражением. Я бы его описал как нечто среднее между обидой и крушением надежд.

— Вечер ведь. И мы остановились на самом интересном месте в прошлую неделю.

— Прошу, давай без загадок.

Я покрутил пальцем у головы, и Таня ахнула, вспомнив про мою амнезию.

— По вечерам вы читаете.

— В комнате?

— Вслух.

Я застонал. Таня одела меня в платье поскромнее и корсет затянула не так сильно. Но без турнюра, той самой лесенки на заднице, не обошлось. Когда мы спустились в залу, там уже собрались все домашние. Дядя, Акулина, лопоухий Степашка и, конечно же, Федор сидели на стульях перед столиком. Там лежала раскрытая книга. Я беспомощно посмотрел на Таню.

— Ах, Анна... Петровна! — при домашних она сближаться не решалась. — Вы в прошлый раз такую интересную главу рассказали.

— Степашка, куда наострилси? — дядя утирал лицо платочком. Его щеки покраснелись, явно подшофе. — Слушай, хоть где-то тебя грамоте обучат.

— Спасибо, Таня, — вслух брякнул я.

Я едва соображал и не чувствовал собственного тела. На негнущихся ногах я подошел к столу, положил на него руку и уставился на книгу. Хоть портрет с меня пиши.

— Читать, значит?

— Ну, конечно! Аннушка, что с тобой сегодня? Заставляешь меня кричать, теперь заставляешь ждать продолжения.

— На хотенье имей варенье, — невпопад заметил Федор. Тоже растрепанный и навеселе.

Таня подскочила и пальцем указала на строчку.

— Вы остановились здесь в прошлый раз, где господин

Фогг, — ее глаза сверкнули живым блеском, словно она хотела пуститься в кругосветное путешествие.

Путешествие... Я пробежал по строчкам глазами и с удивлением понял, что передо мной лежит «Вокруг света за 80 дней». Я глубоко вздохнул, чтобы успокоить сердце и выровнять голос. После чего принялся читать.

Честно говоря, я очень любил Жюль Верна в школе. С возрастом его книги стали казаться слишком наивными, но сейчас я будто вернулся в детство. Слова звучали так привычно, и я уже не пересказывал историю, а провалился в нее, став полноправным участником. Становилось легче с каждой репликой: шум собственного тела отступал, оставляя место для приключений, смеха и страха. Скучные стены гостиной исчезали вместе с жадными взглядами слушателей, уступая место бескрайним морям, диковинным странам и мчавшемуся вперед поезду.

Наверное, я все еще любил эту книгу. Наверное, поэтому дядя смягчился. Он словно перестал обижаться на весь свет, и его взгляд тоже заискрился огоньком. Он прошел к полке, схватил несколько листов бумаги и принялся что-то на них выводить. Я думал, что он вспомнил что-то по хозяйству, но нет, на листе проступали линии мачт, колес парохода, фигурки людей в цилиндрах и дам в кринолинах.

Домашние с интересом столпились вокруг него, и я сам, хотя и с неохотой, оторвался от истории.

— Смотрите-ка, — пробормотала Акулина, — какая рука

легкая. Будто из самой книжки выловил.

Дядя смущенно кашлянул, но рисовать не перестал. Его толстые пальцы выводили тонкие, изящные линии. Я бы не сказал, что его иллюстрации были хороши, но в них чувствовался характер. Линии оставляли многое на откуп воображению, но в нужных местах ложились четко.

— Читайте, — шепнула мне Таня.

Я продолжил. Все притихли и будто перестали дышать, боясь спугнуть это новое чудо. Таня сидела с раскрытым ртом и хлопала в ладоши, когда я читал что-нибудь смешное. Степашка перестал ерзать и по-детски свесил голову набок. Акулина, хотя и порывалась схватиться за щеточку для пыли, все равно слушала. Федор слегка улыбался, поглядывая на остальных, словно уже читал эту историю. И я начал добавлять смешные акценты. Играть голосом. Смешно басить, тоненько петь. Говорить жестко, мягко, игриво, пугливо.

Удивительным образом именно книга из моего детства вдруг вернула меня к жизни этим вечером. В этот миг я почти поверил, что среди бесконечной усталости и придилок в доме, в котором меня пытались согнуть в бараний рог, есть дверца в другой мир. Где в строгом дяде просыпается художник, а голос Анны — важен.

Но глава кончилась. Вдруг выяснилось, что Таня забыла прибрать флигель. Акулина захлопотала за ужином. Дядя торопливо спрятал свои рисунки в стол и снова принялся изводить графа своими расспросами. Кажется, он сегодня оста-

вался у нас ночевать. Спать меня отправили после ужина. Как бы я ни хотел подслушать вечерние разговоры, усталость взяла свое. Я ударился головой о подушку и моментально уснул.

Глава 4

Я мчусь вперед на такой скорости, что едва ли могу различить, что вокруг меня. Что-то остро и упруго хлещет по лицу. Шелестит.

Ветки и листья. Лес. Я мчусь по лесу. Мой скакун тяжело хрипит, бешено кося на меня глазом. Провалом, глазницей, у него череп вместо головы. От испуга я падаю. Качусь вниз, будто с пригорка. Кажется, рассекаю бровь. Кровь заливает глаза.

Я пытаюсь ее утереть. Двигаться вперед. Ноги проваливаются в снег, и платье цепляет ветки. Я слышу треск рвущейся ткани. Снова падаю, и рыжие локоны рассыпаются перед глазами. Я поднимаю взгляд и вижу чьи-то сапоги. Выше, выше. Вижу серо-голубые глаза Федора и пистолет, направленный на меня.

С грохотом раскрывается огненный цветок.

Я проснулся с криком и тут же вскочил. Схватился за несчастный столик и едва удержал его от падения. Опасно накренилась шкатулка.

— Что? Как? Почему?

Я тяжело дышал и кое-как пришел в себя. Что это было? Такой кошмарный сон... Снаружи что-то зашуршало, и у меня похолодело внутри. Схватив небольшую кочергу, я высунулся в окно.

— Стой, кто идет!

Светила яркая луна, и я увидел в кустах чей-то силуэт. Ветви задвигались, и оттуда выбрался Федор. У меня снова все похолодело внутри. Но это ведь был просто сон, верно? Не может быть, чтобы он...

— А ты... чего на четвереньках?

— Простите, — громко зашептал Федор. — Я услышал ваш крик и упал от неожиданности.

Его ночная рубаша вся покрылась веточками и листьями. Он принялся шарить в кустах, и у меня снова замерло сердце. Но нет, он просто выудил ночной колпак.

— Шпионишь за мной? — грозно спросил я.

— Ни в коем случае, — Федор побледнел и отвернулся. — Я просто прогуливался под окнами.

— Стой там. Сейчас приду.

Не дав ему возможности придумать отмазку, я скрылся в комнате. Наверное, в ночнушке выходить не очень прилично. Я попробовал открыть комод, но его запирали. Манера местных контролировать Анну уже начинала бесить. Пришлось накинуть одеяло. В доме, к счастью, никто не проснулся от моего крика. Я спустился по темной лестнице и выбрался во двор, где нашел Федора. Он, услышав мои шаги, отвернулся.

— Не бойсь, я одета.

— Анна Петровна, сударыня... У вас все хорошо? Почему вы кричали?

Он все же повернулся ко мне, сначала глянув украдкой. Явно чувствовал себя неловко, находясь со мной наедине.

— Дурной сон. Федор, скажи, ты умеешь стрелять?

— С ружья вполне умею.

Точно. Он ведь сегодня на охоте пропадал с дядей.

— Много настреляли?

— Достаточно. Сегодняшний рябчик — наша работа, — с гордостью добавил Федор.

— Не забывай про долю Акулины, она ведь его приговорила. Пройдемся?

Я, укутавшись в одеяло, почкапал в сторону знакомой нам беседки. Она белела в лунном свете, но внутри казалась клеткой темноты. Там нам никто не мешает.

— Чего бродишь-то в потемках?

— Я всегда прохаживаюсь ночью. Это удивительное время, когда можно побыть наедине с собой.

— А днем что мешает?

Федор не ответил. Мы разместились в темноте беседки. Я сел так, чтобы тень падала на лицо. А Федор предсказуемо сел напротив, и его черты осветила луна. Ну какой послушный мальчик.

— Как тебе у нас в имении?

— Прекрасное место. Такое простое и ладное. Совершенно ничего лишнего.

— Ты аскет?

— Нет, я просто... Не люблю пустые комнаты.

— Пустые комнаты можно заставить клавесинами. Я заметила, что тебе приглянулся дядин экспонат.

Федор смутился и принялся теревить кончик колпака.

— Это ведь большая редкость. Сейчас у всех в домах пианино.

Признаться, историю музыкального инструмента я не знал. Но Федор у нас, получается, любитель древностей? Винтажностей.

— Только не говори это дяде. Он весьма старомоден.

Например, организовал эти нелепые смотрины.

— Я не могу с... тобой согласиться. Он дает тебе читать современную литературу.

— Жюль Верна?

Граф кивнул.

— Кажется, сегодняшний текст тебе был знаком.

— Признаюсь, читал. Но мне больше нравится «Восемьдесят тысяч верст под водой».

Признаться, я не сразу сообразил, о чем говорит Федор. В наше время, конечно, верстами ничего не меряли. Правда, что такое «лье», я тоже представлял смутно.

— Чем же тебе он так нравится?

— Наутилусом. Я мечтаю когда-нибудь увидеть такое чудо.

— Так тебе нравится инженерия? Всякие механизмы?

Его глаза просияли.

— Я уверен, что будущее Империи в технологиях. Ты слы-

шала про самоходные Фоулеры в Самаре?

— Признаться, нет.

— Представляешь, настоящие самоходные конструкции! Как телега, но едет без лошади. Только на одной лишь соломе.

— Действительно, в такое сложно поверить.

Особенно мне. Путешественнику во времени. Но глаза Федора так сияли, что я не решился на очередную остроту.

— Но я уверена, что в будущем таких чудес станет только больше. Кстати говоря, ты не хочешь поговорить о нашем будущем?

Федор покраснел и повернулся в сторону.

— Анна Петровна? — только и выдавил он.

— Скажи, зачем ты здесь?

На этот вопрос он тоже ответить не мог. Только нервно дербанил кончик колпака.

— Нам нужно вернуться в дом, пока кто-то не вышел.

— Федор, я тебя вижу впервые. Думаю, очевидно, что дядя хочет меня тебе сосватать. И я вижу, что я тебе совершенно неинтересно.

— По мне так просто это видно?

— Так просто.

Федор ссутулился. Словно враз лишили его внутренней опоры. Вытащили хребет и положили рядом, просушиться. Нужно надавить еще немного.

— Признаюсь, я чувствую себя здесь в клетке. Я тебя до

сегодняшнего дня не знала, но должна выйти замуж, потому что так решил мой дядя. Это вздор! Я на такое не согласна, ведь любовь невозможно выбрать за другого человека. Поэтому я и хочу от тебя искренности.

Федор медленно повернулся ко мне. Моя пламенная речь сработала, я видел это по его глазам.

— Я... тоже так считаю, — сказал он то ли побежденно, то ли очарованно.

— Так почему я, а не кто-то другая? Ответь честно.

— Матушка считает, — сказал он глухим голосом, — что ты будешь... благодарна. Что ваш род не останется в безвестии.

Он сказал это с таким серьезным выражением, что у меня засосало под ложечкой, но теперь все стало понятно. Он и до этого говорил о своей матери выражением покорности на лице. Что же, вот и нашлось общее между нами. Тирания старших в семье.

— Благодарность — плохое основание для брака. И оскорбительное.

— Именно. «Будет покладистой и послушной», — процитировал он чужой интонацией.

Мне стало и мерзко, и смешно. Не знала мать Федора характера Анны, ох не знала. А мой — и подавно.

— Но это ведь неправильно! — Федор схватился за колени. — Любовь добра, полюбишь и воробья, но я так не хочу. Это ведь высокое чувство. Оно должно сразить сразу же, на-

повал. Прости, но... — он осекся, боясь меня оскорбить.

Ты ж моя зайка. Маленькие листочки прорастали в моем Саду Отражений. Веришь в настоящую любовь с первого взгляда? С этим не просто можно, с этим нужно работать.

— Я думаю, что ты прав. И ты меня прости, но я ничего к тебе не чувствую.

Федор места себе не находил от смущения. Смелые разговоры для эпохи, понимаю. Но что поделать, лучше уж рубануть с плеча.

— Я... рад, — вдруг сказал он.

Вот и славно. Теперь мы оба на одной волне.

— Вот только дядя и твоя матушка от нас не отступятся. Что же нам сделать, чтобы окончательно прекратить этот балаган?

— Анна, скажи, ты ведь будешь присутствовать на балу у княгини Бражниковой?

Кажется, у меня задергался глаз.

— На балу?

— Разумеется, княгиня давно готовится к нему. Он пройдет через две недели.

— Я не помню, чтобы получала приглашение.

Федор задумался, нахмутив брови.

— Я... постараюсь это исправить.

— Я, конечно, благодарна, но зачем нам бал?

— Ну как же. Пойдут слухи после моего визита. А если на балу мы появимся вместе, но не будем приближаться друг к

другу, то люди поймут, что...

Он снова засмутился.

— Что между нами не вспыхнули чувства, — добил я эту мысль. — Прекрасная идея, но зачем нам для этого идти на бал?

— Я боюсь, что это единственный способ повлиять на мою матушку. Дать понять всему свету, что... сватовство не задалось.

Я задумался. Обычаев высшего общества я не понимал, но Федор говорил это вполне искренне. Я не замечал в его мимике сигналов, что он врет.

— Ну, хорошо. В таком случае, давай заключим пакт.

— Пакт? — взволнованно сказал он. — Это так по-военному.

— Не то слово. Мы оба приложим все усилия, чтобы наша помолвка закончилась ничем. И после будем искать свою истинную любовь по отдельности друг от друга. Сделка?

Я протянул ему руку. Федор поколебался некоторое время, но то от торжественности момента. Заднюю давать он не собирался, я это видел по решительно сдвинутым бровям и сжатым губам.

— Сделка, — сказал он, пожимая руку.

У меня словно камень свалился с души.

— А теперь нам нужно вернуться в кровати, пока нас никто не заметил. Ты первый.

— Да, разумеется.

Федор выбрался из беседки и зашагал в сторону гостевого домика. Камень-то я сбросил, целую скалу, да. Но кое-что осталось...

— Эй, граф?

Федор повернулся на меня.

— Скажи, ты любишь стрелять из пистолета?

— Нет, конечно, — сказал он, вернувшись на несколько шагов, чтобы не кричать. — Пистолет — оружие дуэлянта.

— Хорошо.

— Но... — протянул он, задумчиво постукивая по подбородку. — Мой близкий друг любит и пистолеты, и дуэли. Он еще ни одну не проиграл.

Нет, он не врал. Только посмотрел на меня странным, изучающим взглядом. Но я чувствовал лишь, как слипаются у меня веки. Наполнять Сад образами — задача не из легких, знаете ли.

— Охотно верю, — выдал я. — Доброй ночи.

Мы разошлись. Несмотря на тревожный сон, разговор с Федором меня обнадежил, так что я смог легко уснуть.

Я очень надеялся, что проснусь обратно, в своем времени и в своем теле. Но когда я дотронулся до головы и нащупал длинные волосы, все надежды разбились в прах. Тут же открылась дверь и в комнату вошла Таня,правляя пряди под косынку.

— Анна, подъем. Пора вымыть вам волосы. — Чуть по-

низив голос, она добавила, — как ваша память?

Я помотал головой, и на глазах Тани, странного, но красивого цвета, выступили слезы. Она тут же их смахнула, стала вдруг пугающе серьезной и взяла меня в оборот. Поставила таз, заставила натереть туда мыльную стружку, после чего взбила все до состояния мыльной пены и капнула туда пару капель чего-то лавандового и маслянистого.

Затем из корзинки показались несколько яиц, и Таня быстро отделила желтки, которые принялась втирать мне в волосы. Я приложил все усилия, чтобы не съезжиться от отворачивания. К счастью, желтки смыли мыльной водой, потом Таня принесла чистый таз и смыла остатки мыла. Меня причесали, и вот в зеркале отражение Анны засияло свежестью и чистотой.

В этот раз меня одели в белую блузку со стоящим воротником. Я почувствовал себя как лошадь, на которую надевали шоры: воротник оказался уж очень высоким. Далее вытащили расписной сюртук с лацканами, синего цвета. Он выглядел даже несколько по-мужски и напоминал один из нарядов графа. И финальным элементом стала юбка сложного кроя. Она выглядела совершенно обычной при ходьбе, но под коленом с одной стороны у нее был разрез. Завершили мой наряд шляпа с вуалью и плотные перчатки.

— Удобно, — сказал я со смутным предчувствием чего-то нехорошего. — А в честь чего такие наряды?

— Конная прогулка, — сказала Таня.

За что мне все это! На лошадь я до этого пытался сесть всего один раз — и тот в детском саду.

— Я плохо себя чувствую, — пискнул я.

— Акулина не поверит, а дядя расстроится, — заметила Таня. — Ну же, вам ведь так нравятся прогулки на лошадях Игната Акимовича.

— Так вон, на небе одни тучи, солнца не видно. Дождь будет.

— Распогодится.

Я посмотрел в сторону горизонта, но нет, ни тучки на небе. Казнь моя пройдет, стало быть, в хорошую погоду, при солнечном свете. Мы вышли во двор, и я увидел, судя по всему, того самого Игната Акимовича. Он стоял в тени раскидистой ивы, подняв ворот своего длиннющего пальто, и под уздцы держал двух лошадей. Тут же были дядя и граф, одетый в сходную с моей униформу, только светлую и со штанами.

— Проснулась наша красавица. А мы уже, ни свет ни заря, ни свет ни заря. Игнат, командуй.

— Барышня на Борьку.

Игнат хлопнул рукой по крупу темного приземистого коня. На него надели седло, странной конструкции. Мне потребовалась пара минут, чтобы понять, что на нем предполагается сидеть «ногами вбок». Кошмар. Граф тем временем вскочил на чуть более тонкую лошадку — Зорьку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.